ЗОЛОТАЯ ПЫЛЬЦА

Палатки наши стояли на берегу озера, в рощице невысоких кривых березок и редких лиственниц. Листья на березах уже начали желтеть, но держались еще крепко. Они только полоскались на ветру или бессильно висли под дождем. Северное озеро было длинным, извилистым, с широкими плесами и небольшими островами, которые по берегам были окаймлены тем же березняком. Пространство между прибрежными рощицами и сопками представляло собой заболоченную равнину, густо поросшую карликовой березкой, переплетенной с кустиками голубики и других трав. По утрам туман у берегов озера восходил столбами ввысь, свиваясь затем в почти правильные кольца, которые стягивались в небольшие облачка, уносившиеся ветерком вдоль воды. Иногда налетали шквалистые ветры с дождями, что секли поверхность озера, гнули и трепали деревья. Потом на два — три дня наступало затишье. В эти дни вода в озере становилась зеркально-гладкой и так отражала небо, облака, прибрежные заросли, что мир озерный был ярче, чище и реальнее настоящего.

В один из таких дней, наступивших вслед за ненастьем, вдруг все изменилось: вода вдоль берега оказалась покрыта — как пленкой — тончайшей золотой пыльцой! Но откуда? Обычно, так бывает ранней весной или летом, когда разом цветет множество деревьев, кустарников, трав. Их-то пыльца и ложится зеленовато-желтой кисеей на лужицы, озерца, речные заводи. Но здесь, на Севере? Осенью? Мы терялись в догадках. Но как-то рано утром мы заметили, что на красном тенте палатки, стоявшей в окружении нескольких березок, лежал такой же тонкий слой золотой пыльцы. Когда тент высох, легкий ветерок смахнул пыльцу, как будто бы ее и не было. И стало понятно: дождь смывал с желтых березовых листьев мельчайшие золотые чешуйки, а ветер разносил эти капельки жидкого березового золота по всей округе. Волны же прибивали осевшую на воду пыльцу к берегу, и золотая кисея покрывала затоны.

Ветры баламутили воду, стихали, шли дожди, снова золотилось озеро…

Но все реже и реже, до тех пор, пока с березок не пал весь лист.

МОТЫЛЕК И ОДЕЯЛО

Ранней весной всем нужно солнышко. И людям, и растениям, и всему остальному живому миру. Впрочем, и неживому тоже — ведь многие вещи провели зиму не так, как мы, в тепле и уюте. Многое требуется просушить и проветрить, чтобы они стали, как и прежде, служить людям. Вот и мы бросили на забор цветастое лоскутное одеяло, покрывала, разложили на скамейках подушки. Травинки маленькими шильцами только-только начали протыкать прошлогоднюю листву, но уже на многих из них покачивались сонные букашки. Они перебирали лапками, расправляли и вновь складывали крылышки, чистили усики — одним словом, готовились как можно наряднее встречать весну. Невесть откуда взявшийся мотылек низко и неровно порхал над землей. Он то присаживался на листочки, которые, поднатужившись, поднимали растущие травинки, отчего они пригибались к земле, то снова взлетал. Было похоже, что он что-то ищет. Вспорхнув повыше, мотылек вдруг замер на мгновение и, как нам показалось, радостно, подлетел к одеялу, к той стороне, которую порыв ветра уложил на куст крыжовника, росшего у забора. Освещенное яркими солнечными лучами, прихотливо лежащее одеяло напоминало небольшую покрытую цветами лужайку. И до тех пор, пока мы не отнесли одеяло на застекленную террасу, мотылек далеко не отлетал от этой пестрой лужайки, присаживаясь поочередно на один, на другой «цветок». Он складывал крылышки, раскрывал, шевелил усиками, словно недоумевал, почему эти красивые цветы неподвижны и источают совсем не цветочный запах. Но, поднявшись и сделав несколько кругов, он снова и снова возвращался. Особенно ему полюбился большой пунцовый «цветок» с желтой серединкой — мотылек и так, и эдак обхаживал его. Он ползал по нему взад и вперед, взмахивая крылышками, и нам думалось, что он пытается лапками приподнять лепестки, расшевелить их, заставить трепетать, как и его крылышки, на весеннем ветерке. Но тщетно!.. Когда вечером одеяло понесли в дом, мотылек провожал нас, то залетая вперед, то поднимаясь вверх, то выпархивая откуда-то сбоку.

Одеяло положили на стол. Закатное солнце уходящим лучом выхватило лоскутный цветок, полюбовалось на него и свалилось за верхушки елей.

К ночи вызвездило, и под утро ударил мороз. Когда мы встали и вышли во двор, то увидели, что все вокруг опушил иней. Потом солнце растопило его, заблестела роса, ожили мошки, откуда-то прилетел сонный шмель, но нашего мотылька не было. Нам стало грустно, как будто исчезло что-то очень важное, на чем держался этот хрупкий весенний мир.

И только позже, к обеду, когда кто-то вскрикнул: — Смотрите, вот он, наш мотылек! — мы обрадовались и заулыбались. Но в голосе говорившего, было что-то не так, и мы, подбежав к нему, поняли почему: на откосе окна, как раз напротив цветка, крепко вцепившись лапками в шершавую доску, лежал наш мотылек, неподвижный, со сложенными крыльями. Глаза его и вытянутый хоботок были устремлены туда, за стекло, к алому, с желтой сердцевиной цветку.

ТУМАН И СОЛНЦЕ

Перебирая лучами, Солнце медленно поднималось в еще белесое, лишь начинающее голубеть, небо. Ему так хорошо спалось там, за горизонтом, что вставать, вести за собой сначала Утро, потом День и, наконец, Вечер, ужасно не хотелось. Но ничего не поделаешь, надо! Солнце потягивалось, позевывало, протирало глаза, умывалось, выжимая воду из Облаков, и те, хихикая от щекотки, становились все меньше и меньше, вскоре пропадали вовсе. И пока Оно проделывало все это, свет мерцал, исчезал и появлялся вновь, отчего Росинки, переливаясь, так хорошели, что травы и цветы в парке перемигивались друг с другом разноцветными искрами. Просеянные сквозь густую листву лучи делали свое дело: одним Солнце расшевелило муравейник под старой яблоней, и муравьи бойко побежали по уже согретому с одной стороны стволу; другим — просушило тропинку, которую неугомонные люди тонкой извилистой ниткой протоптали меж разбросанных прихотливо кустов; третьим заглянуло в еще темную глубину оврага, как бы давая понять его обитателям — пора просыпаться! Противоположная Солнцу стенка оврага была крутая, и чтобы добраться до дна, Солнцу пришлось привстать на цыпочки. Наконец, луч перестал прыгать по торчащим из глины корням и остановился. Скользнув вдоль влажной полоски донной земли, луч вдруг споткнулся и замер: перед ним в неглубокой ложбинке лежало что-то, напоминавшее маленькое облачко. Солнце прищурилось, отчего в небе блеснула яркая полоска и, козырьком сложив Облака, присмотрелось повнимательнее. Нет, это было не облачко, хотя и очень похожее — жемчужно-белое и полупрозрачное, — но Нечто округлое, такое нежное и пушистое, что Солнце не выдержало и погладило его. Туман (а это был, конечно, он) слегка пошевелился, но не проснулся, а лишь перевернулся на другой бок и снова задышал мерно и ровно. Солнце, не зная почему, захотело поиграть с ним — и легким, почти неосязаемым касанием, подтолкнуло его вверх по склону оврага. Туман невнятно и недовольно промурлыкал что-то, но опять-таки не проснулся. И Солнце покатило Туман все выше и выше, изредка поглаживая и лаская его, отчего, как ему казалось, тот во сне улыбался доверчиво и счастливо. Иногда Солнцу становилось немножко стыдно за свои шалости, оно краснело и закрывало лицо Облаками. Но ничего не могло с собой поделать — так хорош был этот жемчужно-белый, с голубоватым отливом податливый шарик, так приятно было трогать ладошками лучей его прохладную, нежно-шелковистую шубку! «А что если? — подумало Солнце и, было, испугалось своих мыслей, но испуг быстро прошел.— Что если я поиграю с ним,— ну совсем чуть-чуть! — как с Облаками, в мячик?». И оно осторожно перебросило полюбившийся ему пульсирующий шарик с одного луча на другой. Но так ласково и нежно, что движение было почти незаметно. Не заметил этого и Туман, он только поежился, как от щекотки. Солнце осмелело. Поднимаясь все выше и выше, оно подбрасывало и ловило то одним лучом, то сразу несколькими свою игрушку. И не замечало, что шар становился все меньше и меньше.. И вот, подбросив Туман особенно высоко, оно, сложив лучи-ладошки ковшиком, уже приготовилось поймать его — но, увы! — только легкая тень скользнула между пальцев. И тогда Солнце обиженно сморщилось, отчего Облака брызнули в разные стороны, и заплакало…

А люди там, внизу, озабоченно смотрели в Небо и говорили друг другу: — «Как странно: ни облачка и дождь!». Какой-то озорной мальчишка высунул язык и поймал каплю. «А дождь-то соленый!» — весело прокричал он. Но те, кто внизу, спешившие по своим важным и не очень делам, торопливо раскрывали зонты и зонтики. На них, когда они потом высыхали, оставались белесоватые кристаллики соли.